

DOI: 10.31696/S086919080034086-1

ЧИНГИСХАН И ЕГО ЭПОХА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БУРЯТ И КАЛМЫКОВ¹

© 2025

А.В. ИСАКОВ ^а^а – ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия

ORCID: 0000-0003-3416-9683; alexandr_isakov98@vk.com

Резюме: В статье рассматриваются особенности конструирования исторической памяти о Чингисхане и его эпохе в современной литературе монгольских народов России. В постсоветский период в культуре бурят и калмыков наблюдается рост интереса к образу Чингисхана и стремление связать с ним свою идентичность. На этом фоне в их национальных литературах появляется целый ряд произведений, так или иначе касающихся образа Чингисхана. Установлено, что произведения современных авторов создаются в контексте и на основе более ранних текстов – с одной стороны, средневековых монгольских исторических сочинений, с другой – текстов русских и европейских авторов о Чингисхане. Бурятские и калмыцкие писатели одновременно развивают предшествующие традиции и вступают с ними в диалог, предлагая свои интерпретации личности и биографии Чингисхана. Заметной тенденцией в художественной интерпретации образа Чингисхана стало подчёркивание его сверхъестественных способностей и покровительства высших сил, что в целом продолжает средневековую монгольскую традицию, но в то же время приводит и к появлению новых интерпретаций – например, образ Тэмуджина-шамана в романе А. Гатапова или Чингисхана – пророка и мессии в пьесе Б. Гаврилова. Новым аспектом интерпретации стало стремление показать деяния Чингисхана в глобальном контексте и доказать их пользу для всех народов Евразии. Важная особенность современных бурятских и калмыцких произведений о Чингисхане и его эпохе состоит в локализации монголоцентричного нарратива о Чингисхане. Это проявляется в подчёркивании территориальной и культурной общности этих народов со средневековыми монголами, конструировании преемственности между средневековыми этносами и современными монголоязычными народами России, создании нарративов, представляющих эпоху Чингисхана с точки зрения предков бурят и калмыков, а также в утверждении родственных связей данных народов с Чингисханом.

Ключевые слова: Чингисхан, Монгольская империя, историческая память, бурятская литература, калмыцкая литература, литература монгольских народов

Для цитирования: Исаков А. В. Чингисхан и его эпоха в современной литературе бурят и калмыков. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 212–223. DOI: 10.31696/S086919080034086-1

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the project “The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia” (No. 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

GENGHIS KHAN AND HIS ERA
IN CONTEMPORARY BURYAT AND KALMYK LITERATURE

© 2025

Aleksandr V. ISAKOV^a

^a – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
ORCID: 0000-0003-3416-9683; alexandr_isakov98@vk.com

Abstract: *The article examines the formation of historical memory about Genghis Khan and his era in the modern literature of the Mongolian peoples of Russia. In the post-Soviet period, the culture of the Buryats and Kalmyks has seen a growing interest in the image of Genghis Khan and a desire to associate their identity with him. Against this background, a number of works that in one way or another relate to the image of Genghis Khan appeared in their literature. It is proved that the works by contemporary authors are created in the context and on the basis of earlier texts – medieval Mongolian historical works on the one hand, and texts by Russian and European authors about Genghis Khan on the other. Buryat and Kalmyk writers simultaneously develop previous traditions and debate with them, offering their interpretations of the personality and biography of Genghis Khan. A noticeable tendency in the artistic interpretation of Genghis Khan's image is the emphasis on his supernatural abilities and patronage of higher powers over him, which generally continues the medieval Mongolian tradition, but at the same time leads to the emergence of new interpretations. The desire to show the deeds of Genghis Khan in a global context and to prove their benefit for all peoples of Eurasia has become a new aspect of interpretation. The localization of the Mongolocentric narrative about Genghis Khan is also an important feature of modern Buryat and Kalmyk works dedicated to the topic.*

Keywords: Genghis Khan, Mongol Empire, historical memory, Buryat literature, Kalmyk literature, literature of the Mongolian peoples

For citation: Isakov A.V. Genghis Khan and His Era in Contemporary Buryat and Kalmyk Literature. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 212–223. DOI: 10.31696/S086919080034086-1

В постсоветский период в культуре тюрко-монгольских народов России усиливается интерес к истории средневековых государств – в первую очередь Монгольской империи и Золотой орды, образы которых используются для конструирования представлений о национальном прошлом [Мобилизованное Средневековье, 2022, с. 377–384]. В бурятской и калмыцкой культуре особенно большое значение придаётся образу Чингисхана: его эпоха нередко преподносится как «золотой век» национальной истории, а сам Чингисхан включается в ряд важнейших национальных героев [Скрынникова, 2005; Амоглонова, 2008, с. 104–125; Кучина, 2012]. Это ярко проявляется в национальных литературах бурят и калмыков, где за последние десятилетия появилось немало произведений, посвящённых Чингисхану и его эпохе.

Нужно сказать, что эта тема не является совершенно новой для бурятской и калмыцкой литератур, и современные писатели, связывая национальную историю с деяниями Чингисхана, в определённой мере продолжают давнюю традицию. Чингисхан как великий правитель прошлого, основатель единого монгольского государства и изначальный сюзерен бурят и калмыков упоминается в их исторических хрониках XVIII – начала XX вв. [Бурятские летописи, 2022, с. 113, 117–119, 209, 211, 216, 279–280, 295, 300, 306, 308, 310,

312, 319, 361–362, 385; *Калмыцкие историко-литературные памятники*, 1969, с. 17–23, 25, 38, 44, 140]. Его имя встречается и на страницах произведений, созданных на протяжении всего XX века, хотя отношение к личности Чингисхана менялось в зависимости от политического контекста: для писателей начала прошлого века, выступавших проводниками идей национального движения, Чингисхан был символом былого величия, которое должно быть возвращено монгольским народам; в советский период он воспринимался как символ антинародной, «феодално-ханской» идеологии; к концу XX века его образ вновь наполнился положительным смыслом в контексте «национального возрождения» [Исаков, 2024(1)]. Параллельно с литературными репрезентациями образа Чингисхана у бурят и калмыков существовала богатая устная традиция, в рамках которой память о Чингисхане мифологизировалась: в фольклорных преданиях он предстаёт как демиург, культурный герой и первопредок, живший в неопределённо далёкую эпоху и заложивший основы миропорядка [Исаков, 2024(2)].

Тем не менее именно на рубеже XX–XXI вв. в бурятской и калмыцкой литературах появляются первые произведения, целиком посвящённые личности Чингисхана, а также его роли в исторической судьбе бурят и калмыков. Поэтому их следует рассматривать как явление современной культуры, связанное с процессами переосмысления национальной идентичности в постсоветскую эпоху. В данной статье мы обратимся к нескольким примечательным аспектам конструирования исторической памяти о Чингисхане и его эпохе в современной литературе монгольских народов России.

Необходимо сказать, что автор настоящей статьи не стремится оспорить или обосновать какую-либо из точек зрения на личность Чингисхана и преследует в первую очередь цель объективно рассмотреть те представления, которые нашли выражение в современной литературе бурят и калмыков. Этим обусловлено наше отношение к рассмотренным ниже текстам как к феноменам культуры, подлежащим изучению независимо от транслируемых ими оценок и убеждений. Мы не разделяем стремления к идеализации и мифологизации личности Чингисхана, равно как и спорные с научной точки зрения исторические построения некоторых авторов, и рассматриваем все представленные ниже произведения исключительно как материал, позволяющий судить о тенденциях конструирования исторической памяти. Поэтому, оставив за рамками исследования вопрос об исторической достоверности тех или иных литературных образов и нарративов, мы сосредоточимся на их культурных контекстах и тех значениях, которыми наделяются личность и эпоха Чингисхана в художественном творчестве бурятских и калмыцких авторов.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ЧИНГИСХАНЕ И ЕГО ЭПОХЕ

Одна из важных особенностей произведений современных писателей о Чингисхане и его исторической эпохе – их интертекстуальность. Все они так или иначе опираются на более ранние тексты и в первую очередь – на средневековые литературные памятники, являющиеся основным источником сведений о биографии Чингисхана и истории средневековых монголов. Это корпус монгольских исторических сочинений, включающий «Сокровенное сказание монголов» – первый крупный памятник монгольской литературы, традиционно датируемый 1240 г., и более поздние исторические хроники, в которых описывается генеалогия и биография Чингисхана, а также история становления единого монгольского государства. В той или иной мере средневековый монгольский претекст проявляется во всех произведениях бурятских и калмыцких авторов о Чингисхане и его времени.

Некоторые из этих произведений целиком основаны на тексте «Сокровенного сказания» и могут быть названы его переработками или переложениями. Такова, например, поэма

калмыцкого автора Петра Дарваева «Сказание о Чингис-хане» (1998), представляющая собой, по существу, стихотворный пересказ «Сокровенного сказания». Пьеса бурятского драматурга Валерия Басаа «Чингисхан» (*Чингис хаан*, 2015) в основном инсценирует ключевые эпизоды «Сокровенного сказания», которые иногда перемежаются заимствованиями из других средневековых монгольских и китайских сочинений о Чингисхане.

Иногда отдельные эпизоды канонической биографии Чингисхана инкорпорируются в произведения, посвящённые национальной истории. Например, в пятитомном сочинении бурятского писателя Ардана Ангархаева «Небо и земля» (*Тэнгэри газарай тэнсүүри*, 2005–2011), которое сам автор назвал «романом-мозаикой», где даётся ретроспективный взгляд на историю Бурятии от древности до Нового времени, эпоха монгольского средневековья представлена главным образом эпизодами из жизни Чингисхана, явно написанными по мотивам «Сокровенного сказания». В стихотворном цикле Цындымы Бабуевой «На берегах протяжённого Онона...» (*Утахан Ононой эрьедэ...*, 2023), посвящённом истории агинских бурят, несколько стихотворений повествуют о героях монгольских хроник – легендарных предках Чингисхана Буртэ-Шоно и Гуа-Марал, Алан-Гуа, о самом Тэмуджине-Чингисхане и его матери Оэлун.

Но всё-таки чаще монгольский летописный канон выступает отправной точкой для авторского воображения, и писатели стараются заполнить лакуны канонического текста. В этих случаях можно говорить о литературном диалоге, в котором современный автор, не повторяя содержание «Сокровенного сказания» и других хроник, стремится дополнить, переосмыслить или оспорить сказанное в первоисточнике. Часто это проявляется в обращении к периодам и аспектам биографии Чингисхана, мало раскрытым в каноническом тексте, благодаря чему современные авторы могут предложить своё видение этой исторической личности. Например, бурятский писатель Алексей Гатапов в романе-пенталогии «Тэмуджин» (2010–2022) описывает юность Чингисхана – период, которому в традиционном жизнеописании уделено не так много внимания.

Есть ряд произведений, которые основаны на приёме смены фокализации: в них биография Чингисхана и история становления монгольского государства показаны с точки зрения других персонажей. Так, в романе бурятского автора Владимира Гармаева «Джамуха» (2010) события «Сокровенного сказания» излагаются с точки зрения Джамухи, который, согласно первоисточнику, вначале был сподвижником, а затем – соперником Чингисхана. В. Гармаев предлагает собственную интерпретацию истории их взаимоотношений, согласно которой конфликт между героями был инсценирован, чтобы облегчить подчинение монгольских народов единому хану. В романе другого бурятского писателя Владимира Бараева «Гонец Чингисхана» (2007) главным героем выступает Тургэн, служивший гонцом при Чингисхане, а потом изучивший по его приказу грамоту и ставший летописцем при монгольских ханах. В повести Людмилы и Олега Намжиловых «Баргут Чингисхана» (в первом издании – «Путешествия Масандая – вождя сэгэнутов», 2014) центральный персонаж – представитель одного из бурятских родов, который поступает на службу к Чингисхану.

Отдельно стоит отметить произведения, в которых деяния Чингисхана показаны с точки зрения народов, выступавших в традиционной монгольской историографии его противниками. Это повесть калмыцкого писателя Виктора Манжеева «Два ойрата» (1991), описывающая судьбу ойратов во время их противостояния с Чингисханом и затем в составе его государства, и роман бурятского автора Цыдыша Цырендоржиева «Три меркита» (*Гурбан мэргэд*, 2006), посвящённый истории народа меркитов – одних из главных антагонистов «Сокровенного сказания».

Кроме литературного наследия средневековых монголов, на современные произведения бурятских и калмыцких писателей о Чингисхане, несомненно, повлияли русские

и – шире – европейские тексты, рассматривающие Чингисхана в первую очередь как жестокого завоевателя, угрожавшего существованию цивилизации. Находясь на пересечении монголоязычного и европейского культурных пространств, бурятские и калмыцкие авторы неизбежно сталкиваются с противоречием двух традиций исторической памяти о Чингисхане. В своём творчестве они вступают в полемику с такими широко известными произведениями русской литературы, как «Чингисхан» Василия Яна и «Жестокий век» Исаа Калашникова, где деяния Чингисхана подвергаются критике. Например, А. Гатапов считает, что роман русского писателя из Бурятии И. Калашникова не вполне объективен в изображении Чингисхана и его собственный роман должен дать более адекватное представление об этой исторической личности. [Батудаева, 2020] В отличие от «Жестокого века», в котором преобладает социологическая и психологическая трактовка событий и Чингисхан показан как человек, личность которого деформировалась под влиянием жизненных трудностей и испытаний, что и сделало из него жестокого завоевателя, в «Тэмуджине» А. Гатапова он показан избранником божеств, носителем уникальных качеств, которому было предназначено совершить великие деяния [Болдонова, Санжиева, 2012, с. 272; Имихелова, 2020, с. 70, 77; Сибидапов, 2023, с. 285].

Важно, что тексты русских и европейских авторов обычно не отвергаются, а используются как один из источников развития собственных интерпретаций образа Чингисхана. Интересным примером такого «присвоения» и адаптации европейского дискурса о Чингисхане служит популярная в современной Калмыкии песня «Чингисхан», исполняемая певицей Гиляной Бембеевой. Русскоязычный текст этой песни написан на мелодию одноимённой песни немецкой поп-группы “Dschinghis Khan”, при этом смысл нового текста совершенно иной. Если в оригинальной песне Чингисхан в соответствии с европейской традицией показан варваром, который сокрушает всё на своём пути, безмерно употребляет алкоголь и постоянно прелюбодействует с захваченными женщинами², то в калмыцком варианте речь идёт о великом справедливом правителе и талантливом полководце, достойном подражания³.

АСПЕКТЫ ОБРАЗА ЧИНГИСХАНА: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Теперь подробнее остановимся на интерпретации образа Чингисхана в произведениях современных бурятских и калмыцких авторов и выделим некоторые примечательные его аспекты.

В культуре монгольских народов Чингисхан традиционно считается неординарным человеком, который пользовался покровительством высших сил и сам обладал сверхъестественными способностями. Этот аспект образа Чингисхана получил особенно большое развитие в фольклоре, где он может представлять даже божеством, спустившимся на землю [Исаков, 2024(2), с. 388]. В средневековых литературных текстах о биографии Чингисхана элементов чудесного гораздо меньше, однако они всё же занимают важное место, подчёркивая его избранничество. Такую функцию, например, выполняет мотив рождения Тэмуджина со сгустком крови в руке, присутствующий в «Сокровенном сказании» и других сочинениях [Козин, 1941, с. 85].

Тема сверхъестественного дара и высшего предназначения Чингисхана присутствует и в современной литературе бурят и калмыков. Покровительством Неба и собственны-

² Перевод текста песни Dschinghis Khan исполнителя (группы) Dschinghis Khan. Лингво-лаборатория «Амальгама». https://www.amalgama-lab.com/songs/d/dschinghis_khan/dschinghis_khan.html

³ Гиляна Бембеева «Чингисхан». Яндекс.Музыка. <https://music.yandex.ru/album/25271476/track/112413818>.

ми чудесными способностями объясняются успехи Чингисхана в покорении множества народов и государств. В произведениях, посвящённых судьбе подчинившихся ему или уничтоженных им народов, лейтмотивом проходит мысль о невозможности противостоять его сверхчеловеческой силе. В повести В. Манжеева ойратский шаман пытается привлечь помощь духов перед битвой с войском Тэмуджина – будущего Чингисхана, но в итоге признаёт: «Наши духи не в силах бороться с духами, которые покровительствуют Темуджину» [Манжеев, 1991, с. 27]. Схожий эпизод есть в романе Ц. Цырендоржиева: меркитскому шаману приходит видение, что их народу суждено погибнуть от руки святого (*гэгээн богдо*) Чингисхана [Цырендоржиев, 2006, с. 34].

В пьесе бурятского драматурга Булата Гаврилова «Чингисхан» (2001) центральной идеей является мессианство главного героя. При помощи шамана Теб-Тенгри Тэмуджин обнаруживает в себе связь с Небом и становится исполнителем его божественной воли. Символический образ Неба, руководящего действиями Чингисхана, сочетает в себе черты разных культурных традиций: это и обожествлённое Вечное Синее Небо монголов, и китайское Небо, утверждающее власть земного правителя, и христианское Небо, воплощающее идею Бога.

В романе А. Гатапова «Тэмуджин» Чингисхан представлен как носитель шаманского дара [Булгутова, 2019, с. 130–134]. Он оказывается наследником шаманского рода, благодаря чему обладает способностью общаться с божествами и духами предков. На протяжении действия романа ему являются видения, открывающие юному Тэмуджину его особое предназначение. Герой устанавливает связь с божеством Чингис Шэрээтэ, «функцией которого является издание законов и обычаев для земных народов» [Гатапов, 2012, с. 303].

Ещё один примечательный аспект образа Чингисхана в произведениях бурятских и калмыцких писателей напрямую связан с ситуацией диалога культур, о которой мы уже говорили выше. Апеллируя не только к монгольской традиции, но и к европейским стереотипам, некоторые авторы стараются показать Чингисхана личностью мирового масштаба, деяния которого должны были принести пользу не одним монгольским народам, но также всем народам Евразии.

Так, Б. Гаврилов прямо говорил о желании опровергнуть европейские представления о Чингисхане как о варварском завоевателе: «Тут было стремление донести до тех, кто мало знает о нашей истории, своё понимание того, кем была эта личность, в силу чего Чингисхану удалось покорить полмира. Что он нёс не насилие... а был одержим гуманистическими идеями. Не мог маленький народ добиться такого величия, управляемый одной лишь голой злой силой...» [Монисова, 2023, с. 228]. В его пьесе, которую И.В. Монисова называет «ретроутопией», государство Чингисхана показано как пространство гармоничного единения народов и культур. В столичном городе Хара-Хорин сооружены кварталы по образцам архитектуры разных стран, венецианские и византийские строения соседствуют с арабскими и персидскими. Сам Чингисхан предстаёт мессией, который хочет «объединения всех цивилизаций и реализации Вечного Синего Неба, Духа Небесного на Земле» [Гаврилов, 2011, с. 473]. В своих монологах он оспаривает мнение о монголах как о «биче божьем»: «Нет, мы не кара божья! Мы божья любовь! <...> Я иду к вам с Любовью, я иду к вам с Небом!» [Гаврилов, 2011, с. 490, 494]. Нетрудно заметить, что образ Чингисхана, созданный Б. Гавриловым, перекликается с евангельским образом Христа – не сразу понятого пророка, стремившегося донести до людей божественные истины.

Отметим, что интерпретация образа Чингисхана как борца за объединение народов и предвестника современного глобального мира на рубеже XX–XXI вв. становится всё более популярной и в западной культуре [Марков, 2018]. В 1995 г. газета “The Washington Post” называет Чингисхана человеком тысячелетия, в 2004 г. выходит книга Джека Уэзерфорда

«Чингисхан и рождение современного мира», где монгольские завоевания рассматриваются как фактор становления современной цивилизации. Эта трансформация западных представлений о Чингисхане, вероятно, повлияла и на творчество бурятских и калмыцких писателей. Однако нельзя не отметить, что если переосмысление личности Чингисхана на Западе заключается скорее в выявлении объективного значения его деяний для исторических судеб Евразии, не сопровождающемся его глорификацией, то у монгольских народов образ Чингисхана – «глобального политика» становится ещё одной ипостасью традиционно почитаемого и безусловно положительного исторического героя. В России положительный сдвиг в восприятии Чингисхана и в целом средневековых кочевников Внутренней Азии также связан с идеями евразийства и, в частности, с работами Л.Н. Гумилёва, выдвинувшего идею о комплементарных отношениях между русскими и кочевыми народами «Великой степи». Влияние евразийства прослеживается и в произведениях бурятских и калмыцких писателей о Чингисхане, иногда даже само это понятие возникает в речи средневековых персонажей – как, например, в поэме П. Дарваева, где Чингисхан говорит: «Я б хотел командовать тьмою евразийцев» [Дарваев, 1998, с. 154].

Нужно сказать, что в рассматриваемых литературных произведениях Чингисхан изображается не только как сакрализованный политический лидер, но и как обычный человек, которому не чужды страсти и эмоции и который в повседневной жизни может быть далеко не идеален. Образ Тэмуджина-Чингисхана в пьесе Б. Гаврилова, несмотря на его мессианский ореол, противоречив и потому «человечен». Как отмечает С.С. Имхелова, «человеческое в герое подчеркнуто множественностью связей и точек зрения, которые также глубоко противоречивы: наложницы-жены ненавидят любвеобильного хана и не могут совладать с любовью к нему, такое же чувство любви-ненависти испытывают к Тэмуджину брат Хасар и друг-анда Джамуха. Да и сам герой мучается, когда вынужден отправлять на казнь обоих братьев, родного и названного, страдает от противоречивого чувства к Борте и сыну-первенцу Джучи, так как отравлен сомнением в отцовстве. И все-таки в нем побеждает любовь» [Имхелова, 2017, с. 515]. «Человеческий аспект» Чингисхана раскрывается также в пьесе В. Басаа, немало сцен которой посвящено драматическим, комическим и трагическим эпизодам из частной жизни правителя. Примечательно, что эти сюжеты в основном заимствованы из средневековой монгольской литературы, где личная жизнь и нелепые поступки Чингисхана тоже затрагивались наряду с его великими историческими свершениями.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ЭПОХЕ ЧИНГИСХАНА

В современной литературе бурят и калмыков прослеживается тенденция связывать биографию Чингисхана с этнической и локальной историей, демонстрируя причастность этих народов к личности Чингисхана и его деяниям.

В произведениях бурятских авторов подчёркивается, что исторические события, связанные с Чингисханом, в значительной части происходили на территории современного проживания бурят. Например, в романе Ц. Цырендоржиева «Три меркита» постоянно упоминаются топонимы, знакомые многим жителям современной Бурятии, – названия рек Селенги, Уды, Джиды и Кижинги, горы Челсана и др.

Кроме общности территории средневековых монголов и современных бурят писатели манифестируют и общность их культуры, иногда – прямо проецируя в средневековое прошлое бурятские этнографические реалии. Так происходит в романе А. Гатапова «Тэмуджин», который насыщен деталями традиционной культуры бурят, в особенности – западных, зафиксированной этнографами XIX–XX вв. Средневековый монгольский шама-

низм, которому в романе уделено много внимания (поскольку сам Тэмуджин в авторской интерпретации является потомственным шаманом), во многом изображается на основе западнобурятских традиций. Так, например, имена ряда божеств, о которых говорят и к которым обращаются герои романа, – Хан Хюрмас, Эсэгэ Малаан, Манзан Гурмэ, Маяс Хара – очевидно, заимствованы из фольклора западных бурят. Юный Тэмуджин в романе слушает эпические сказания о подвигах Гэсэра (фрагменты которого заимствованы автором из фольклористических записей XX в.) и Аламжи-мэргэна, на которых он хочет быть похожим – это сказания западных бурят, о бытовании которых среди монголов XII–XIII вв. нет никаких свидетельств. Упоминаются и другие узнаваемые элементы бурятской народной культуры – например, персонаж фольклорной демонологии Му-шубун [Гатапов, 2012, с. 258]. Таким образом, А. Гатапов использует бурятские этнографические реалии как материал для художественного воссоздания средневековой монгольской культуры и через это утверждает общность верований и фольклора западных бурят-шаманистов с духовной культурой монголов эпохи Чингисхана.

Для многих авторов оказывается важным показать, что современные буряты и калмыки (или их субэтнические группы) существовали уже в эпоху Чингисхана и выступали как субъекты истории. Это происходит через отождествление современных этносов с народами, упоминаемыми в средневековых источниках. Например, В. Гармаев в предисловии к роману «Джамуха» говорит, что хори и эхириты – два крупнейших бурятских племени – принимали непосредственное участие в создании средневекового монгольского государства [Гармаев, 2024, с. 5]. В самом романе постоянно упоминаются современные этнонимы «хори» и «эхириты», под которыми в тексте выступают средневековые хори-туматы и экиресы. Аралжин Прушенов в поэме «Путь предков» (*Угай түүхын замаар*, 2005), посвящённой истории бурят-хонгодоров, утверждает, что хонгодоры – это средневековые хонгираты [Прушенов, 2005, с. 27]. Ц. Цырендоржиев не отождествляет меркитов с каким-то конкретным современным народом или субэтносом, но пишет, что те меркиты, кто смог скрыться от воинов Чингисхана, вошли в состав ряда современных народов, в том числе хори-бурят [Цырендоржиев, 2005, с. 7].

В рассматриваемых произведениях предметом повествования нередко становится именно история средневековых предков бурят и калмыков в эпоху Чингисхана. Смена ракурса в изложении исторических событий порою приводит к оспариванию традиционного монголоцентричного нарратива о славных деяниях Чингисхана. Один из главных героев повести В. Манжеева «Два ойрата» Йёсен рассуждает о целесообразности завоеваний Чингисхана и отмечает, что ойратам приходится нести урон ради чужих целей: «Монголы побеждают и всё затмит блеск монгольского имени <...> Но что станет с ойратами? Худуха-беки неустанно требует объезжать всё новых и новых скакунов, которых поглощает ненасытная пасть войны. Сколько может продолжаться такая жизнь? Неужели это угодно Вечно Синему Небу?» [Манжеев, 1991, с. 111–112]. В романе Ц. Цырендоржиева история меркитов рассматривается как трагедия народа, который отчаянно боролся за свою независимость и дольше всех противостоял Чингисхану [Бадужева, 2017, с. 58].

Однако всё же чаще бурятские и калмыцкие авторы пишут о времени Чингисхана как о «золотом веке» в истории своих народов. Часто они стремятся увязать свою этническую историю с деяниями Чингисхана и подчеркнуть не последнюю роль собственных предков в становлении средневекового монгольского государства.

В бурятской литературе на фоне возросшего в постсоветский период интереса к субэтнической идентичности появился ряд произведений об истории отдельных бурятских племён и родов, в которых неизменно присутствует фигура Чингисхана. Так, в романе-трилогии В. Гармаева «Десятый рабджун» (1991, 1997, 2008) о прошлом хори-бурят говорится, что

именно под властью Чингисхана народ хори «стал многочисленным и сильным» [Гармаев, 2021, с. 25]. В драматической поэме Есугея Сындужева «Люди длинной воли» (2000) о бурятах-хонгодорах действие происходит в эпоху, когда единое монгольское государство распалось и «Чингисхана Яса позабыта» [Сындужев, 2023, с. 603], поэтому хонгодорам приходится уйти на север, подальше от междоусобных распрей. При этом подчёркивается, что они верно служили Чингисхану во время его завоевательных походов и их отказ от участия в междоусобной борьбе тоже рассматривается как проявление верности идее великого хана. В повести Александра Лыгденова «Кочевники» (*Нүүдэллэд*, 2019), посвящённой истории бурят-сартулов, рассказывается, что сартулы раньше жили в южной стране, которую завоевал Чингисхан. Он переселил сартулов в Монголию, поскольку они были талантливыми ремесленниками [Лыгденов, 2019, с. 81–83]. Главный герой повести Л. и О. Намжиловых «Баргут Чингисхана» Масандай, вождь немногочисленного бурятского рода сэгэнутов, поступает на службу к Чингисхану и выполняет для него важные поручения. Среди прочего ему пришлось побывать в южных странах, где он познакомился с буддизмом – так авторы связывают с эпохой Чингисхана даже начало распространения буддизма среди бурят (важно заметить, что один из авторов этой повести – лама).

Отдельно отметим тенденцию подчёркивать родственные связи с Чингисханом, которая существует в современной бурятской литературе. Например, Ц. Бабуева в стихотворении «Буртэ-Шоно» (*Буртэ Шоно*) из вышеупомянутого цикла «На берегах протяжённого Онона...» соединяет бурятское этногонимическое предание о первопредке Барга-батаре и его трёх сыновьях Буриада, Хоридое и Олюдэе, от которых произошли соответственно эхириты и булагаты, хори-буряты и калмыки, с родословной Чингисхана. В её версии Барга-батор оказывается потомком Буртэ-Шоно (Бортэ-Чино), легендарного праародителя Чингисхана [Бабуева, 2023, с. 12].

В ряде произведений бурятских авторов можно встретить другой вариант бурятской этногенеалогии с включением Чингисхана. Вот, например, как он представлен в стихотворении детского писателя Базаржаба Галсанова «Бурят-монгольский народ» (*Буриад-монгол угсаатан*, 2022):

Барга Баатар буриад-монголшуудай,
Бултанайнай элинсэг түүхэтэй,
Алан Гуа зээ басаганиин,
Алдарга Чингисхаанай нагасанарай [Галсанов, 2022, с. 29–30].

Барга-батор –
Предок всех нас, бурят-монголов,
Родственников по матери его внуки Алан-Гуа
И славного Чингисхана.

Здесь подразумевается, что Хорилартай-мэргэн, называемый в монгольских хрониках отцом Алан-Гуа, и Хоридой – легендарный праотец хори-бурят – одно и то же лицо, из чего следует, что буряты – «родственники со стороны матери» (*нагасанар*) для Чингисхана. Эта генеалогическая конструкция впервые возникла в хори-бурятских исторических хрониках XIX в. [Цыдендамбаев, 1972, с. 179–183] и получила также распространение в фольклоре [Исаков, 2024(2), с. 394].

В поэме А. Прушенова «Путь предков» в качестве особенно близких родственников Чингисхана позиционируются буряты-хонгодоры, которых автор отождествляет с хонгира-

тами и потому причисляет к ним жену Чингисхана Бортэ, происходившую из хонгиратского племени [Прушенов, 2005, с. 27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно заключить, что жизнь и эпоха Чингисхана стала одной из важных тем бурятской и калмыцкой литератур постсоветского периода. Произведения современных авторов создаются в контексте и на основе более ранних текстов – с одной стороны, средневековых монгольских исторических сочинений, с другой – текстов русских и европейских авторов о Чингисхане. Бурятские и калмыцкие писатели одновременно развивают предшествующие традиции и вступают с ними в диалог, предлагая свои интерпретации личности и биографии Чингисхана, обусловленные как этнокультурным контекстом, так и глобальным процессом переосмысления исторической памяти о Чингисхане.

Заметной тенденцией в художественной интерпретации образа Чингисхана стало подчёркивание его сверхъестественных способностей и покровительства высших сил, что в целом продолжает средневековую монгольскую традицию, но в то же время приводит и к появлению новых интерпретаций – таких как образ Тэмуджина-шамана в романе А. Гатапова или Чингисхана – пророка и мессии в пьесе Б. Гаврилова. Новым аспектом интерпретации стало стремление показать деяния Чингисхана в глобальном контексте и доказать их пользу для всех народов Евразии.

Важная особенность современных бурятских и калмыцких произведений о Чингисхане и его эпохе состоит в локализации монголоцентричного (где «монгольский» понимается в узком смысле) нарратива о Чингисхане. Это проявляется в подчёркивании территориальной и культурной общности этих народов со средневековыми монголами, конструировании преемственности между средневековыми этносами и современными монголоязычными народами России, создании нарративов, представляющих эпоху Чингисхана с точки зрения предков бурят и калмыков, а также в утверждении родственных связей данных народов с Чингисханом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амоголонова Д.Д. *Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008 [Amogolonova D.D. *Modern Buryat ethnosphere. Discourses, paradigms, sociocultural practices*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2008 (in Russian)].

Бабуева Ц.Д. *Утахан Ононой эрьедэ...* Улаан-Үдэ: Уласай типографи, 2023 [Babueva Ts.D. *On the Banks of the Long Onon...* Ulan-Ude: Ulasay tipografi, 2023 (in Buryat)].

Бадиева Г.Ц. *Цыдын Цырендоржиев. Литературная биография*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017 [Badueva G.Ts. *Tsydyp Tsyrendorzhiev. Literary Biography*. Ulan-Ude: Buryat State University, 2017 (in Russian)]

Батудаева Д. Алексей Гатапов: «Я смогу написать о Чингисхане лучше, чем все, кто о нем писал». *Номер Один*. 06.06.2020 [Batudaeva D. Alexey Gatapov: "I can write about Genghis Khan better than anyone else". *Nomer Odin*. 06.06.2020 (in Russian)] <https://gazeta-n1.ru/news/society/86947/> (accessed: 01.07.2025).

Болдонова И.С., Санжиева Т.Е. Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № 6. С. 269–274 [Boldonova I.S., Sanzhieva T.E. Hermeneutic Historicism: Literary Image of Genghis Khan in Contemporary Buryat Literature as a Factor of National Self-Consciousness Development. *BSU Bulletin*. 2012. No. 6. Pp. 269–274 (in Russian)].

БулгUTOва И.В. *Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков*. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2019 [Bulgutova I.V. *Mythopoetics in the context of the formation and development of Buryat literature of the second half of the 20th – early 21st centuries*. DSc thesis (Philology). Ulan-Ude, 2019 (in Russian)].

Бурятские летописи. Пер., коммент., прил. Ж.Б. Бадагаров. Отв. ред. Н.В. Цыремпилов. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2022 [*Buryat Chronicles*. Zh.B. Badagarov (tr., comm.) N.V. Tsyrempilov (ed.) Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2022 (in Russian)].

Гаврилов Б. Чингисхан. *Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т.* Т. 3. Драматургия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 472–494 [Gavrilov B. Genghis Khan. *Anthology of the literature of Buryatia, 20th – early 21th centuries: in 3 vols*. Vol. 3. Playwriting. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2011. Pp. 472–494 (in Russian)].

Галсанов Б. *Буряад хэлээ хүжөөл. Хандалга*. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022 [Galsanov B. *Let's Develop the Buryat Language. Appeal*. Ulan-Ude: NovaPrint, 2022 (in Buryat)].

Гармаев В.Б. *Десятый рабджун*. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2021 [Garmaev V.B. *The Tenth Rabjun*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2021 (in Russian)].

Гармаев В.Б. *Джамуха*. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2024 [Garmaev V.B. *Jamukha*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2024 (in Russian)].

Гатапов А.С. *Тэмүджин. Кн. 1–2*. 2-е изд., перераб. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012 [Gatapov A.S. *Temujin. Books 1–2*. 2nd ed., revised. Ulan-Ude: NovaPrint, 2012 (in Russian)].

Дарваев П.А. *Сказание о Чингис-хане*. Элиста: АПП “Джангар”, 1998 [Darvaev P.A. *The Legend of Genghis Khan*. Elista: APP “Dzhangar”, 1998 (in Russian)].

Имixelова С.С. Изображение легендарной исторической личности в тувинской и бурятской драматургии. *Мир Центральной Азии – 4*. Науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 512–516 [Imikhelova S.S. Portrayal of a legendary historical figure in Tuvan and Buryat drama. *World of Central Asia – 4*. B.V. Bazarov (ed.) Irkutsk: Ottisk, 2017. Pp. 512–516 (in Russian)].

Имixelова С.С. *Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы)*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2020 [Imikhelova S.S. *Mosaic of National Life: On the Literary Process in Buryatia (2010s)*. Ulan-Ude: BSU, 2020 (in Russian)].

Исаков А.В. Семантика и прагматика упоминаний Чингисхана в текстах бурятской литературы XX века. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2024(1). № 2(42). С. 79–83 [Isakov A.V. Semantics and Pragmatics of References to Genghis Khan in the Texts of Buryat Literature of the 20th Century. *Sayan-Altai Scientific Review*. 2024(1). No. 2(42). Pp. 79–83 (in Russian)].

Исаков А.В. Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти. *Монголоведение*. 2024(2). Т. 16. № 2. С. 385–399 [Isakov A.V. Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory. *Mongolian Studies*. 2024(2). Vol. 16. No. 2. Pp. 385–399 (in Russian)].

Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Сост. А.В. Бадмаев. Элиста, 1969 [Kalmuk Historical and Literary Monuments in Russian Translation. A.V. Badmaev (comp.) Elista, 1969 (in Russian)].

Козин С.А. *Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niyuča tobčiyan. Юань чао би ши: Монгольский обыденный сборник*. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941 [Kozin S.A. *Secret History: Mongolian Chronicle of 1240 titled Mongol-un niyuča tobčiyan. Yuan chao bi shi: Mongolian everyday anthology*. Vol. 1. Introduction to the study of the monument. Translation, texts, glossaries. Moscow - Leningrad: AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Кучина Л.В. Культурная память как проявление диалога культур народов (отражение образа Чингизхана в культурной памяти калмыков). *Человеческий капитал*. 2012. № 12(48). С. 35–41 [Kuchina L.V. Cultural memory as a manifestation of the dialogue of cultures (reflection of the image of Genghis Khan in the cultural memory of the Kalmyks). *Human Capital*. 2012. No. 12(48). Pp. 35–41 (in Russian)].

Лыгденов А.Г. *Нүүдэллэд*. Улан-Удэ: Бальжинимаев А.Б., 2019 [Lygdenov A.G. *Nomads*. Ulan-Ude: Balzhinimaev A.B., 2019 (in Buryat)].

Манжеев В.Б. *Два ойрата*. Элиста, 1991 [Manzheev V.B. *Two Oirats*. Elista, 1991 (in Russian)].

Марков В.И. Парадоксы культурной памяти: культ Чингисхана в XXI в. *Вестник культуры и искусств*. 2018. № 1(53). С. 43–51 [Markov V.I. Paradoxes of Cultural Memory: the Cult of Genghis Khan in the 21st Century. *Culture and Arts Herald*. 2018. No. 1(53). Pp. 43–51 (in Russian)].

Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. II: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. Под ред. А.И. Филошкина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022 [Mobilized Middle Ages: in 2 vols. Vol. II: Medieval History Serving National and State Ideology in Russia. A.I. Filyushkin (ed.) Saint Petersburg: SPbSU, 2022 (in Russian)].

Монисова И.В. Черты ретроутопии в драматургии Булата Гаврилова. *Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы VIII Международной научной конференции*. Москва, 21–22 декабря 2023 г. Пред. ред. колл. М.М. Голубков. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 227–230 [Monisova I.V. Features of Retroutopia in the Dramaturgy of Bulat Gavrilov. *Russian Literature of the 20th – 21st Centuries as a Whole Process (Issues of Theoretical and Methodological Research): The collection of works of VIII international scientific conference. Moscow, December 21–22, 2023*. M.M. Golubkov (ed.) Moscow: MAKSS Press, 2023. Pp. 227–230 (in Russian)].

Прушенов А.Д. *Угай түүхын замаар*. Улаан-Удэ: Буряад үнэн, 2005 [Prushenov A.D. *The Path of Ancestors*. Ulan-Ude: Buryaad үнэн, 2005 (in Buryat)].

Сибиданов Д.В. Художественное осмысление образа Чингисхана в литературе Бурятии. *Национальные картины мира. К 100-летию со дня рождения Р.Г. Гамзатова: тез. докл. междунар. научн. конф. (5–6 октября 2023 г., г. Москва, ИМЛИ РАН)*. М.: Буки-Веди, 2023. С. 278–286 [Sibidanov D.V. Artistic Understanding of the Image of Genghis Khan in the Literature of Buryatia. *National Pictures of the World. In Honor of R.G. Gamzatov's 100th Anniversary: Theses of Papers of the International Academic Conference. (October 5–6, 2023, Moscow, IWL RAS)*. Moscow: Buki-Vedi, 2023. Pp. 278–286 (in Russian)].

Скрынникова Т.Д. Образ Чингисхана в современном бурятском историко-культурном дискурсе. *Ab Imperio*. 2005. № 4. С. 93–112 [Skrynnykova T.D. The Image of Genghis Khan in the Modern Buryat Historical and Cultural Discourse. *Ab Imperio*. 2005. No. 4. Pp. 93–112 (in Russian)].

Сындуев Е. Люди длинной воли. *Поэзия и проза Бурятии, Иркутской области, Забайкальского края*. Авт. проекта и сост. Б.Ж. Тумунов; гл. ред. Е.А. Голубев. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2023. С. 591–640 [Synduev E. People of Long Will. *Poetry and Prose of Buryatia, Irkutsk Region, and Zabaikalsky Province*. B.Zh. Tumunov, E.A. Golubev (eds.). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2023. Pp. 591–640 (in Russian)].

Цыдендамбаев Ц.Б. *Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972 [Tsydendambaev Ts. B. *Buryat Historical Chronicles and Genealogies: A Historical and Linguistic Study*. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1972 (in Russian)].

Цырендоржиев Ц.Б. Гурбан мэргэд. *Байгал*. 2005. Тусхай дугаар. С. 6–61 [Tsyrendorzhiev Ts.B. Three Merkits. *Baigal*. 2005. Special Issue. Pp. 6–61 (in Buryat)].

Цырендоржиев Ц.Б. Гурбан мэргэд. *Байгал*. 2006. № 3. С. 3–43 [Tsyrendorzhiev Ts. B. Three Merkits. *Baigal*. 2006. No. 3. Pp. 3–43 (in Buryat)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИСАКОВ Александр Викторович – младший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Aleksandr V. ISAKOV, Junior Research Fellow, Department of Literature and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.